

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
БАКИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

БИБИСАРА РЕДЖЕПОВНА МАМЕДОВА

**КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА В ТУРКМЕНСКОМ,
АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ И ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКАХ**

Специальность: 10.02.06 – Тюркские языки

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

**диссертации на соискание ученой степени доктора
философии по филологическим наукам**

БАКУ - 2011

Диссертация выполнена на кафедре тюркологии Бакинского государственного университета.

Научный руководитель: *член-корреспондент НАНА,
доктор филологических наук,
профессор Т.И.Гаджиев*

Официальные оппоненты: *доктор филологических наук,
профессор Г.И.Мирзоев*

*доктор филологических наук,
профессор Р.А.Рустамов*

Ведущая организация: **Кафедра Тюркологии Бакинского
Славянского Университета**

Защита состоится 26 12 2011 г. в _____ часов
на заседании Разового Диссертационного совета при Бакинском
государственном университете, созданного указом № 263 от 1
ноября 2011 года Высшей Аттестационной Комиссией при Пре-
зиденте Азербайджанской Республики, по адресу: AZ 1148, г.
Баку, ул. З.Халилова, 23, корпус 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Бакин-
ского государственного университета.

Автореферат разослан _____ 2011 г.

**Ученый секретарь Разового
Диссертационного совета
доктор филологических наук**

М.А.Мамедов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Слово, будучи центральной единицей языка, аккумулирует в себе все знаковые возможности. Вообще системность языка, помимо актуальности сети отношений, определяющих его семиотическую природу, непосредственно проявляется и в возможностях отдельных знаков. С одной стороны, знак реализуется на стыке отношений, т.е. его системный статус определяется в точке пересечения различных координат. С другой стороны, асимметрия языкового кода, несовпадение плана выражения и плана содержания в языке обеспечивают многофункциональность знака.

Склонение по своей природе системно. Более того, склонение наиболее выпукло представляет системность в языке. С другой стороны, склонение представляет собой сложившуюся и замкнутую систему. Поскольку падежная система является уникальным пространством органического соединения формы и значения, она полностью охватывает область внеязыкового смысла. Иными словами, она адекватна собственному денотату. Это принципиальное положение делает необходимым изучение падежной системы языков мира в когнитивном аспекте. Если когниция это модель восприятия, обработки и кодового продуцирования экстралингвистической информации, то падежная система представляет собой как раз ту сферу смысла, которая манифестирует национально-языковую конкретику картины возможных превращений имени. Два фактора актуализируются в этом контексте. Прежде всего актуализируется внутренняя форма термина *падеж*, т.е. речь идет о диапазоне возможных падений имени. Разумеется, русский термин *падеж* – это калька с латинского *casus*, где представлены такие семантические множители, как «падение», «склон», «обстоятельство», «положение», «случайность», «превратность». Азербайджанский термин *hal* также обладает яркой внутренней формой, сигнализирующей о характере явления: *ad haldan-hala düşür*. Природа явления непосредственно связана с представлением о конечности возможных выпадений. *Ad haldan- hala düşür, lakin bu halların məntiqi sonu var*.

Второй фактор, актуализирующий когнитивную интерпретацию падежной системы, условно может быть обозначен как фактор денотата. Здесь уместно вспомнить вступительную фразу «Логико-философского трактата» Л.Витгенштейна: “Die Welt ist alles, was der Fall ist”¹, что буквально означает «мир – это всё, чему случается *выпасть*». Русский перевод – «мир есть всё, что происходит» – не дает возможности почувствовать глубину высказывания. Всё, что *выпадает*, – это мир реальности. В картине мира, характеризующей национальный менталитет, представлен денотат кодовой семантики.

¹ Витгенштейн Л. Философские работы (часть 1). М.: Гнозис, 1994, с. 5.

Денотат поддается логико-дискурсивной интерпретации, что представляет собой сигнификат кодовой семантики. Конкретика самого кода – система условных обозначающих, представляющих органическое единство денотата и сигнификата. Поскольку знаки обладают внутренней формой, код избегает условности в репрезентации диапазона *was der Fall ist*. Но поскольку знак представляет собой органическое единство означающего и означаемого, различия в обозначении могут быть связаны с различиями в сфере денотата. Видимо, это и имел в виду Л.Вайсгербер, когда говорил о том, что родной язык формирует дух нации.

В обозначенном аспекте особую актуальность приобретает изучение близкородственных языков. Сам факт формальной дифференциации некогда единого, предполагает его векторную дифференциацию. Проблема состоит в определении характера и природы дифференциации. Изменяется ли структура картины мира, или различия касаются лишь форм выражения, формальных признаков состояний имени? Если учесть тот факт, что язык не просто форма, а форма превращенная, то всякие различия должны быть связаны с характером представлений о состояниях вещей. Следовательно, всякие изменения должны иметь функционально-семантические характеристики. С другой стороны, можно предположить, что функционально-семантические параметры падежных систем носят универсально-логический характер и не связаны с картиной мира, существенной для коллективного сознания носителей родственных языков. Падежные системы туркменского, азербайджанского и турецкого языков не были исследованы в указанном аспекте.

В этом аспекте огромное познавательное, когнитивное значение приобретают традиционные названия падежей в тюркских языках. К сожалению, совершенно непонятна неоправданная замена падежных названий в турецком языке просто цифрами – первый падеж, второй падеж и т.д. Известно, что терминообразование в любой научной области занимает особое место. Поэтому подобная тенденция в турецком языкознании носит своеобразный антинаучный характер.

Актуальность исследования связана, с одной стороны, с важностью изучения когнитивных различий в системах именного склонения туркменского, азербайджанского и турецкого языков, с другой стороны, с неразработанностью данной проблематики.

Степень разработанности темы. Фундаментальными трудами по тюркскому именному склонению являются работы А.Н.Кононова, в частности, «Грамматика современного турецкого литературного языка», А.П.Поцелуевского, посвященные морфологии и синтаксису туркменского языка, М.Хамзаева, фундаментальный труд М. Гелдиева и Г.Алпарова «Грамматика туркменского языка», вышедший в 1929 году, Н.Караева и Ю.Бальева «Туркменский язык», в области турецкого языка труды Мухаррема Эргина, Г.Ф.Благовой «Тюркское склонение в ареально-историческом освещении», П.И.Кузнецова, посвященные происхождению тюркских падеж-

ных аффиксов, А.М.Щербака, А.Ахундова. Особо следует отметить книгу М.Кыпчака «Категория падежа в тюркских языках». В этих работах рассматриваются различные стороны структурно-семантического оформления падежной системы тюркских языков.

Объект исследования составили системы именного склонения туркменского, азербайджанского и турецкого языков.

Предметом исследования является определение функционально-семантических различий падежной системы указанных языков и их когнитивное значение.

Основная цель исследования заключается в определении и систематизации функционально-семантических различий в системах склонения туркменского, азербайджанского и турецкого языков.

Для достижения основной цели исследования были решены следующие конкретные задачи:

- на основе теоретической литературы были определены принципы проводимого исследования;
- были изучены системы именного склонения в туркменском, азербайджанском и турецком языках;
- системы склонения в этих языках были подвергнуты сравнительному анализу и были выявлены определяющие их различия;
- результаты исследования были обобщены и представлены в виде кратких выводов.

Научная новизна исследования состоит в функционально-семантическом описании падежных систем туркменского, азербайджанского и турецкого языков, а также их когнитивной интерпретации.

Теоретическая значимость исследования связана с описанием функционально-семантических характеристик падежей в указанных огузских языках, постулированием теоретических обобщений и выводов, она определяется общей научной направленностью работы.

Практическая ценность исследования определяется учебно-методической ориентацией диссертации, возможностью использования ее материалов и результатов при составлении общих и специальных вузовских курсов по теории языка, компаративистике, когнитивному языкознанию, истории тюркских языков.

Методы исследования. В работе используются такие лингвистические методы, как метод семного анализа, трансформационный и окружения.

Источники исследования. При написании диссертации были использованы теоретические, лексикографические и источники на функционирование. Первые позволили определить теоретические принципы исследования, вторые – были использованы как источники фиксации узуральной, инвариантной, семантики, третьи – в качестве иллюстративного материала.

Положения, выносимые на защиту:

1. Диапазон падежной семантики определяется предметно-логически, следовательно, она может рассматриваться как универсальная категория;

2. Система падежей представляет собой замкнутое структурно-семантическое целое, однако связь с системой проявляется в перераспределении функций;

3. Если некоторые исторические падежи выпали из системы склонения, то это не означает, что исчезли формы выражения соответствующей семантики;

4. Выпадение одних падежей и осложнение функций других падежей следует расценивать как результат асимметрии языкового кода;

5. Поскольку во всех трех языках происходят исторически идентичные процессы транспозиции падежей, эти явления имеют когнитивное содержание;

6. Полифункциональность падежей, явившаяся результатом гетерогенности плана содержания и плана формы, характеризует системы склонения всех трех языков.

Апробация диссертации. Об основных положениях и результатах работы регулярно докладывалось на заседаниях кафедры тюркологии Бакинского государственного университета, теоретических семинарах филологического факультета, вузовских, межвузовских, республиканских и международных конференциях. Кроме того, результаты исследования нашли отражение в девяти статьях.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** диссертации обосновывается актуальность темы исследования, определяется объект и предмет, основная цель и задачи, теоретическая и практическая значимость, говорится о методах исследования и положениях, выносимых на защиту.

Первая глава называется «Система склонения в тюркских языках» и состоит из трех подглав. В первой подглаве, «Системность организации смысла посредством ограничительного воздействия языкового кода», говорится о том, что даже обыденное сознание понимает, что имплицитность системных связей не означает их отсутствия. Принимая нечто как систему, мы понимаем, что даже там, где мы не видим логики взаимосвязи, она присутствует. Более сложными являются наши представления о взаимообусловленности, хотя этот атрибут системности столь же логичен, как и взаимосвязанность. Взаимообусловленность чрезвычайно важна для структурализма, поскольку исключает случайность чего бы то ни было. Элементы системы не только взаимно релевантны и релятивны, их существование обусловлено существованием других элементов.

Взаимообусловленность как онтологический принцип исключает наличие любого элемента системы, не предполагаемого другими элементами. Взаимообусловленность как эпистемологический принцип предполагает понимание характера и содержания мотивации присутствия. Именно следствием понимания сущности взаимообусловленности является понятие «корреляции с нулем». Вообще, значимость нуля может определяться только в системе. Более того, только система взаимообусловленных единиц ориентирована на определение значимости нуля.

Релевантными признаками понятия «системность» являются такие семантические множители, как «инвариант», «организация», «устойчивость», «элемент», «совокупность». Указанные множители распространяются на систему любого порядка, язык представляет собой одну из частных семиотических систем, которые в свою очередь носят частный характер по отношению к системности и системам вообще. Здесь рассматриваются различные точки зрения на инвариантность и вариантность в применении к такого рода системе, как система склонения.

Таким образом, за реалиями преходящей речи стоят инвариантные сущности виртуального свойства, которые и определяются как язык И.А.Бодуэном де Куртенэ и Ф. де Соссюром. Язык как виртуальная система обеспечивает единство и тождество всего того, что обнаруживается в речи.

Несмотря на кажущуюся однозначность данного положения, всегда были ученые, приписывающие самостоятельность любой речевой данности. Например, каждая форма слова иногда рассматривается как самостоятельная единица, независимое слово. Это имеет непосредственное отношение к системе значений слова, закрепленных за системой форм. Например, Р.О.Якобсон в статье «К общему учению о падеже» в этой связи пишет: «Известный русский лингвист Потебня отвергает учение о грамматическом общем значении как о субстанции, из которой как акциденции вытекают частные значения, и утверждает, что «общее значение» является только лишь абстракцией, искусственным препаратом, «только созданием личной мысли и в действительности существовать в языке не может». Ни язык, ни наука о языке не нуждаются в подобных общих значениях. В языке существуют лишь частные случаи, и форма имеет в речи каждый раз только одно и притом неразложимое значение, «то есть, говоря точнее, каждый раз есть другая форма»¹. Поскольку А.А.Потебня отдельные употребления слова рассматривает как самостоятельные слова, Р.О.Якобсон считает, что «отрицание общего значения доведено здесь до логического конца, а именно до безграничного и бесплодного атомизирования языковых данных»².

Сам Р.О.Якобсон также считает, что варианты падежей являются самостоятельными падежами. Например, мы знаем, что в русском языке суще-

¹ Якобсон Р.О. К общему учению о падеже // Избранные труды. М.: Прогресс, 1985, с. 133.

² Там же.

ствуют такие варианты родительного падежа, как формы на *-я* и *-ю*: *выпить чая, выпить чаю*. Согласно Якобсону, это разные падежи. Единственным аргументом в пользу такого понимания вариативности является соответствия одной формы одному содержанию.

При таком подходе к системе, на наш взгляд, сама системность как объединяющая особенность, если и не игнорируется, то оттесняется на задний план. Она становится несущественной. В самом деле, если каждая форма и соответствующее значение рассматриваются в качестве самодовлеющих сущностей, то говорить о системе не приходится.

Системность предполагает, видимо, концептуальное решение проблемы соотношения субстанции и отношения. Разумеется, диалектика сосуществования субстанции и отношения призвана уравновесить обе части мыслимой модели. Анализ каждой конкретной воплощенности формы и содержания как самодовлеющей отрицает системность именно в силу абсолютизации данной конкретики. Системность строится на релятивном понимании сущности и конкретных ассоциаций. Кроме того, системность проявляется в ее доминировании над частями системы, т.е., сказать что нечто представляет собой систему, означает признать доминирование системы над каждой отдельной частью. Таким образом, значимость фрагмента системы носит относительный характер, вне системы он начисто лишается значимости.

Вторая подглава первой главы называется «Система тюркского склонения». В этой подглаве особенности лингвистической системности раскрываются на примере тюркско-огузского склонения. Отмечается, что в тюркских языках особо выделяется функция основного падежа. Делается предположение о том, что основной падеж на стадии аккумуляции универсальной падежной семантики коррелирует со всеми падежами, которые наличествуют исключительно виртуально. Таким образом, стратегия развития падежной семантики выглядит как корреляция основного падежа с несколькими нулями. Именно такое положение и дает основание для ассоциации с алгебраическими формулами. Учитывая положение системы склонения в тюркских языках, видимо, можно утверждать, что она сохраняет в себе рудименты филогенеза. Сравнительно-исторический анализ тюркских языков дает возможность проследить путь развития в каждом из них.

Вызывает возражение определение основного падежа в семантическом отношении как неопределенного: «в семантическом отношении – неопределенный падеж, немаркированный член оппозиции, противопоставленный маркированным; в морфологическом – прямой, начальный, безаффиксный, неоформленный, противопоставленный косвенным, неначальным, аффиксным, оформленным; в синтаксическом – общий падеж, обслуживающий преимущественно все члены предложения, противопоставленный частным падежам;

в статистическом – основной падеж, употребляющийся чаще всех других и противопоставленный группе неосновных»¹.

Здесь мы видим очевидную экстраполяцию внешних признаков на внутренние. Основной падеж действительно является немаркированным в морфологическом отношении, именно потому что это исходный падеж. Однако считать его неопределенным в семантическом отношении совершенно неправомерно. Формальная исходность не соответствует исходности семантической.

Следует учитывать одно обстоятельство. Когда мы называем основной падеж неопределенным, мы рассматриваем его как искусственное образование, противопоставленное семантике падежей, имеющих морфологические показатели. Однако совершенно закономерно представлять себе исходный падеж как аккумулятор семантики всей парадигмы, взятой в целом. Именно это обстоятельство делало возможным обслуживание этой формой имени всех членов предложения. Совершенно ясно, что индоевропейский термин *nominativus* не обнаруживает подобной универсальной семантики, что и находит отражение в его внутренней форме. Та же традиция продолжается и в русском языке. Термин *именительный*, являющийся калькой с *nominativus*, не сигнализирует о том, что это основной падеж. Актуальность внутренней формы говорит о том, что слово в этом падеже лишено какой бы то ни было семантики, кроме назывной. Поэтому эта форма и представляет собой абсолютный нуль, коррелирующий с любым минимальным от него отклонением. Если это минимальное отклонение оформлено как соответствие содержания форме, то это и любой другой член парадигмы по отношению абсолютному нулю именительного падежа.

В чувашском языке, а возможно, и во всех тюркских языках исторически, основной падеж содержал в себе на виртуальном уровне функцию обслуживания всех членов предложения. Характерно, что эту особенность он сохраняет и на более позднем этапе, когда морфологически оформились другие падежи: «общий падеж, обслуживающий пережиточно все члены предложения»².

Вопрос, рассматриваемый Р.О.Якобсоном, ставит по отношению к тюркским языкам и С.Н.Иванов. Фактически этот вопрос связан с более широкой семиотической проблемой тождества и единства знака. Именно эту проблему называет в качестве основной С.Н.Иванов, рассуждая о падежной парадигме в тюркских языках. Он указывает, что «Главный вопрос, возникающий при изучении склонения в каком-либо языке, – это вопрос о соотношении формы и значения. Многообразии значений той или иной падежной формы ставит исследователя перед необходимостью определить, в какой сте-

¹ Иванов А.И. Склонение и его роль в чувашском языке // Ученые записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, с. 106.

² Иванов А.И. Указ. работа, с. 106.

пени едины и однородны эти значения, объединены ли они друг с другом, и если объединены, то каким образом; как соотносены эти значения между собой: образуют ли они систему связанных значений или же в одной форме объединено несколько уже несовместимых для данного языка, хотя генетически и родственных значений?»¹.

Фактически С.Н.Иванов ставит вопрос о том, распространяется ли гетерогенность плана содержания и плана формы в языке, или асимметрия кода, на падежную парадигму или нет? Этот вопрос имеет прежде всего большое теоретическое значение. С одной стороны, асимметрия кода расшатывает любую парадигму, в том числе и падежную. С другой стороны, сложившаяся система со всеми рудиментарными фактами есть не что иное, как результат действия асимметрии. В этом смысле синхрония падежной парадигмы есть одновременно результат асимметрии кода. Поскольку всё определяется на синтаксическом уровне, то любая транспозиция знака в конечном счете представляет собой итог развития. В этом смысле охваченность многих значений одной формой, как нескольких форм для одного значения вполне допустимо интерпретировать как результат асимметрии кода, наглядно манифестируемой в парадигме падежей.

С.Н.Иванов приводит, как и другие ученые, обсуждающие данную проблему, высказывания за и против реальности того, что в языкознании принято называть инвариантом. Характерно, что «Пути решения проблемы соотношения единичных проявлений какой-либо грамматической категории и ее грамматической сущности лежат в уяснении диалектики соотношения единичного и общего в том виде, как это трактуется марксистской диалектикой. Марксистская диалектика учит, что всеобщее определение родового понятия не может быть получено абстрактным выделением одинакового в видовых понятиях, относящихся к данному родовому классу»². В недавнем нашем прошлом было характерно обращаться к марксистской диалектике, но непонятно, почему марксистская диалектика против выделения инварианта. Под инвариантом следует понимать общий идеальный тип, которому в речи соответствуют варианты. С.Н.Иванов дает чрезвычайно интересную интерпретацию основного падежа, причем связывает представленные характеристики исключительно с тюркскими языками. Например: «Основной падеж – это исходная, «словарная» форма имени. В основном падеже наиболее наглядно выступают свойства тюркского имени. Как известно, тюркское имя, взятое само по себе, т.е. вне предложения, совмещает в себе значения единичного предмета данного ряда и совокупной множественности предметов этого же ряда. Эти два значения можно было бы соответственно назвать:

¹ Иванов С.И. К К интерпретации тюркского склонения (по материалам «Родословного древа тюрков» Абу-л-гази-хана) // Исследования по филологии стран Азии и Африки. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966, с. 51.

² Там же, с. 52.

конкретно-предметное и отвлеченно-предметное (предметно-качественное), видовое и родовое»¹.

Говоря о родительном падеже, С.Н.Иванов не выходит за рамки русской тюркологической традиции. Так, в азербайджанском языкознании существует очень точное определение этого падежа, сигнализирующего о его синтаксической функции, на системном уровне представленного соответствующим аффиксом. Здесь также выделяется семантика конкретной принадлежности, которая в диапазоне данной парадигмы распространяется до семантики отношения вообще.

В данной подглаве рассматриваются точки зрения различных ученых на отдельные падежи в тюркских языках и на систему склонения в целом. Делается вывод о том, что каждый раз, когда пучку дифференциальных признаков морфемно-фонемного плана соответствует пучок дифференциальных признаков семантического плана, мы имеем дело с отдельной падежной формой, узואльно представленной в системе склонения. Причем совершенно не важно, характеризует такое отличие нормированную форму языка или его территориальные разновидности. Речь должна идти о потенциале общенационального языка.

В третьей подглаве первой главы, которая называется «Принципы современного сопоставительного исследования», анализируется методика и теория сопоставительного исследования. Приводятся слова Л.Блумфилда о том, что: «Сравнительный метод исходит из того, что в каждой ветви языков или отдельном языке имеются независимые данные о формах праязыка и что совпадения или соответствия между родственными языками позволяют обнаружить его особенности. Это равносильно допущению, во-первых, того, что первоначальная этническая общность была абсолютно единообразной в отношении языка, и, во-вторых, того, что внезапно распалась на две или более дочерних общности, которые вскоре утратили всякий контакт друг с другом»².

В аспекте сравнительно-исторического языкознания и даже типологии остаются весьма существенными два замечания Р.О.Якобсона. Пытаясь обосновать логику типологических исследований, он с самого начала вводит методологически важный принцип о сходстве языков: «Высказывание Альфа Соммерфельта, с которого я начал свою монографию о всеобщих звуковых законах, до сих пор не утратило своей силы: «Между фонетическими системами (или – более широко – *между системами языковыми*. – Р.Я.), существующими в мире, нет *принципиального различия*»³.

Второй принцип, вводимый Р.О.Якобсоном, приближает сам характер рассуждений о типологии к когнитивизму: «Как указывают антропологи, од-

¹ Там же, с. 53.

² Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968, с. 342.

³ Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Иностран. лит., 1963, с.95.

на из наиболее примечательных особенностей общения между людьми заключается в том, что ни один народ не может быть столь примитивным, чтобы не быть в состоянии сказать: «У тех людей другой язык»¹.

Эти два принципа действительно носят универсально-логический характер. На самом деле сравнение как универсальный способ постижения человеком мира, как общий эпистемологический принцип, предполагает интегральность как мотив сравнения. Иными словами, если между двумя вещами нет общих признаков, то отсутствуют и какие бы то ни было основания для сравнения. Следовательно, сравнение обязательно строится на общем признаке.

Если основанием для сравнения является общий признак, то целью сравнения является выявление различий. Такое понимание сути сравнения как будто смещает задачи сравнительно-исторического языкознания, тем не менее оно закономерно. Так, сравнительно-историческое языкознание сопоставляет родственные языки с целью обнаружения праформ. Идеальной и в принципе недостижимой целью сравнительно-исторических исследований является реконструкция праязыка.

На самом деле сравнительно-историческое языкознание должно заниматься не только реконструкцией праформ, но и выявлением существенных различий, определяющих лицо каждого из родственных языков после распада семьи, или после вырастания ветвей на общем древе.

Особую сферу анализа в близкородственных языках на сегодняшний день представляет собой когнитивная интерпретация. Разумеется, когнитивная интерпретация сближает сферы языка и речи, поскольку сближает их за счет объяснения категориальной семантики ментальными факторами. Таким образом, изучение падежной системы турецкого, туркменского и азербайджанского языков в зависимости от ориентации анализа может быть очень актуальным. Семантико-функциональный и морфологический анализ обязательно должен дополняться попытками объяснения форм стандартами национального мышления. Фрагментарно такой анализ был представлен уже в этой главе. Претендовать на категоричность анализа в этой сфере, конечно, достаточно сложно, однако образцы анализа вполне могут расцениваться как положительный фактор.

Вторая глава называется «Семантико-функциональные особенности падежных форм в туркменском, азербайджанском и турецком языках». Эта глава состоит из двух подглав. **Первая подглава** называется «Грамматические падежи в туркменском, азербайджанском и турецком языках». К грамматическим падежам, как известно, относятся основной, родительный и винительный падежи. Что касается основного падежа, исследователи выделяют в туркменском языке две его функциональные разновидности, связывая пер-

¹ Якобсон Р.О. Типологические исследования и их вклад в сравнительно-историческое языкознание // Новое в лингвистике. Вып. III. М.: Иностр. лит., 1963, с.95.

вую с функцией подлежащего предложения, вторую – с так называемой «неопределенностью». В функции «неопределенности» с точки зрения структуры предложения данное имя является дополнением, но с точки зрения морфологической формы это имя совпадает с основным падежом, что и заставляет исследователей считать ее функцией основного падежа. Определение *naməlum* не может считаться достаточно корректным, поскольку функция как раз и определена. Видимо, это название призвано просто отграничить безаффиксную форму имени в функции подлежащего от функции дополнения, которая не ассоциируется с безаффиксной формой.

На наш взгляд, это реликт полифункциональности основного падежа, что собственно и мотивировало само название *основной*. Как указывает Ф.Г.Исхаков, «Существительное, а также всякое субстантивированное слово, стоящее в основном падеже, служит в предложении: а) подлежащим, б) связочным членом составного сказуемого»¹.

М.Гусейнзаде также делит падежи на грамматические и пространственно-грамматические². Для именительного падежа выделяются специальные функции. Ученый отмечает интересную особенность именительного падежа в азербайджанском языке. Он пишет следующее: «Из самого названия, данного этому падежу, становится известно, что он носит функцию наименования предмета; т.е. посредством этого падежа только называется имя предмета. В действительности же, в отличие от индоевропейских языков, в тюркских языках данный падеж служит не только называнию предмета; одновременно он выражает семантику отвлеченности. Например, в предложении *Kitab insanın ən yaxın dostudur* речь идет о книге вообще. В этом предложении в слове *kitab* ощущается некоторое понятие обобщенности. Данный падеж не принимает каких бы то ни было аффиксов, поэтому он выражает также семантику неопределенности. Все общие существительные, употребляясь в этом падеже, выражают отвлеченное содержание предмета. Правда, слово *kitab* по сравнению с другими предметами является более определенным, но оно неопределено, поскольку речь идет вообще о книге, а не об определенной книге. Следовательно, функция падежа, преподносимого в наших пособиях по грамматике под именем *adlıq hal*, состоит не только в указании имени определенного существа. Существительные азербайджанского языка, употребляясь в *adlıq hal*, обозначают также абстрактность, обобщенность и неопределенность, наряду с обозначением имени определенного существа»³.

В этом утверждении выдающегося азербайджанского ученого вызывают возражение некоторые моменты. Например, очень трудно согласиться с мнением о том, что значение отвлеченности у именительного падежа является исключительным достоянием тюркских языков. Как видим, М.Гусейнзаде

¹ Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть вторая. Морфология. М.: АН СССР, 1956, с. 90.

² Hüseynzadə M. Müasir Azərbaycan dili. Bakı: Maarif, 1973, с. 55.

³ Там же, с. 56.

специально подчеркивает, что эта особенность является исключительной особенностью тюркских языков, *в отличие от индоевропейских*. Например, в русском языке существует идентичный афоризм: «книга – лучший друг человека». Интересно, как М.Гусейнзаде мог бы объяснить разницу между семантикой слова *книга* в предложении *книга – лучший друг человека* и семантикой слова *kitab* в предложении *kitab insanin ən yaxın dostudur?*

На наш взгляд, отвлеченность содержания существительного в именительном падеже не имеет отношения исключительно к тюркским языкам. Видимо, только в каких-либо примитивных языках слово в именительном падеже называет исключительно один предмет, но обобщенного значения не имеет.

Подобная корреляция общего и частного значения у слов, особенно заметная у существительных, в теории языка дифференцируется по терминам *денотат* и *референт*. Если *денотатом* называется типизированное представление о вещи, ассоциируемое с комплексом звуков и локализуемое в коллективном сознании носителей языка, то *референт* – это конкретный предмет, обозначаемый в конкретной языковой ситуации.

А.А.Уфимцева¹ совершенно точно определяет различие между денотативным и референциальным значением слов. Видимо, вообще специфика словесного обозначения, его суть заключается в сочетании конкретного предметного значения с отвлеченным, абстрактным значением.

Не ясно также, почему в указанной особенности, приписываемой исключительно тюркским языкам, М.Гусейнзаде совершенно отказывает индоевропейским языкам. Почему соотношение абстрактного и конкретного в семантической структуре знака вообще становится фактором разграничения тюркских и индоевропейских языков? Интересно, что никаких разъяснений по этому поводу мы не находим.

Что касается понятия «неопределенность», которое приписывается именительному падежу в силу его денотативной соотнесенности с типизированным образом предмета, то следует отметить, что оно также является не совсем корректным. В противном случае под неопределенностью следует понимать «обобщенность». Но в этом случае вполне резонным является разграничение этих понятий. Спрашивается, на каком основании эти два разных понятия должны смешиваться. «Обобщенность» как раз может рассматриваться как определенность в плане определения существенных признаков, объединяющих предметы в единый класс.

Следует четко представлять себе, что «неопределенность» может быть определена только в том семантическом диапазоне, который охватывает это понятие в тех языках, где существуют артикли определенности и неопределенности. Необходимо последовательное разграничение «неопределенности» как условной грамматической категории, обозначаемой, например, в англий-

¹ Уфимцева А.А. Лексическое значение слова. М.: Наука, 1986, с. 88.

ском языке неопределенным артиклем, от «неопределенности» как аморфности функционально-семантической определенности. Во всяком случае, невозможно представить себе логически последовательную систему аргументации, позволившую М.Гусейнзаде противопоставить тюркские языки индоевропейским с точки зрения категорий абстрактность/конкретность, единичность/обобщенность, определенность/неопределенность.

Вообще утверждения азербайджанского ученого относительно функционального объема именительного падежа представляются довольно неожиданными и интересными. Например, он пишет: «Именительный падеж бывает связан как с глаголом, так и с другими частями речи. Иными словами, слово, употребляемое в именительном падеже, встречается и глагольных, и именных предложениях, где оно связано с именным сказуемым, используемым как с глаголом, так и с другими частями речи. Например, в предложении *Rəşid oxuyur* слово *Rəşid* (подлежащее), стоящее в именительном падеже, связано со сказуемым, выраженным глаголом, в то время как слово *kitab* в предложении *Kitab maraqlıdır* связано со сказуемым, выраженным прилагательным»¹.

Несколько неожиданное заявление. Дело в том, что связь функции сказуемого с различными частями речи никакого отношения к именительному падежу не имеет. Иными словами, если речь идет о существительном, стоящем в именительном падеже, о данной форме имени, то следует говорить о функциях именно этой формы, а не о других словах, с ней связанных, не о других членах предложения.

Вызывает возражение и интерпретация примеров. Так, отмечается, что в первом примере сказуемое выражено глаголом, во втором – прилагательным. На наш взгляд, во втором примере сказуемое оформляется при помощи аффикса *-dır*. Именно данный аффикс и выполняет функцию сказуемого, что же касается прилагательного, то оно само по себе, без этого аффикса, вообще никакой функции в такого рода предложениях выполнять не способно. Фактически, оформленное посредством данного аффикса, слово начинает приобретать функции глагольности, оно выражает семантику категории состояния. Скажем, в индоевропейских языках идентичную функцию выполняет вспомогательный глагол «быть». Ср. в латинском: *liber jucundus est*; или в персидском: *kitab caleb est*.

Далее М.Гусейнзаде пишет: «Слово в именительном падеже, как правило, в предложении является подлежащим. В связи с этим в некоторых до-революционных грамматиках этот падеж представлен как падеж подлежащего. Однако слово, используемое в этом падеже, приобретая аффикс сказуемого, способно выступать и сказуемым. Вообще, как и все подлежащие, сказуе-

¹ Гусейнзаде М. Указ. работа, с. 56.

мые также могут использоваться в абстрактном значении; напр.: *İnsana həqiqi bilik verən kitabdır*¹.

Совершенно непонятное утверждение с точки зрения категориальных признаков именительного падежа. Что значит, если слово в именительном падеже приобретает аффикс сказуемости? Как можно увязать это утверждение с положением о том, что именительный (основной, исходный) падеж – это безаффиксная форма имени, коррелирующая с другими падежами, как маркированными за счет морфологических показателей. Эти маркированные формы коррелируют с нулем как показателем именительного падежа. Если слово в именительном падеже приобретает аффикс сказуемости, то это уже не форма именительного падежа.

На наш взгляд, в предложении *İnsana həqiqi bilik verən kitabdır* М.Гусейнзаде исходит не из формально-грамматической представленности глубинных структур, а из самих глубинных структур. На глубинном уровне существует функция производителя действия, которое на поверхностном уровне коррелирует со словом в функции подлежащего. Но, как свидетельствует данное предложение, семантика производителя действия в азербайджанском языке не всегда представлена словом в безаффиксной форме. Об этом и следовало говорить. Ведь, определяя функцию слова в предложении, мы исходим не из глубинных структур, а из поверхностных. Если слово *kitabdır* является сказуемым, то неправомерно говорить об именительном падеже (пусть снабженном аффиксом сказуемости). Здесь следует говорить не о функциях именительного падежа, а о том, что в азербайджанском языке сказуемое предложения оформляется при помощи аффикса *-dır/dir*, прибавляемого к слову. А если *прибавляемого к слову*, то понятно, что прибавляемого к его исходной форме. Вообще об этом нужно говорить в том разделе морфологии, который посвящен образованию сказуемого в азербайджанском языке, а не там, где речь идет об именительном падеже.

Подлинным подлежащим в предложениях типа *İnsana həqiqi bilik verən kitabdır* было бы слово, условно обозначаемое как *нечто*, т.е. семантическая структура такого рода предложений может быть обозначена следующим образом: «Нечто, что является книгой, есть то, что дает человеку подлинные знания». Где в функции подлежащего выступает это *нечто*, а *является книгой* оказывается составом сказуемого: *kitab+dır*.

Далее М.Гусейнзаде указывает: «Существительные в именительном падеже, употребляясь в качестве первой части определительных словосочетаний первого типа, выражая значение определения, не носят функции подлежащего. Они вместе с последующим словом не могут быть различными членами предложения; напр.: *Kərpic ev daş evdən gözəldir, Qızıl saati gümüş saata dəyişməzlər və s.*»².

¹ Гусейнзаде М. Указ. работа, с. 56.

² Там же, с. 57.

С этим утверждением трудно спорить, поскольку оно, видимо, отражает принятую в азербайджанском языкознании интерпретацию, определенную сложившуюся традицию. Однако представленное заявление вызывает определенные мысли. Во-первых, эти существительные в роли прилагательных в составе первого типа определительных словосочетаний представляют собой прилагательные. Здесь следует говорить об омонимии существительных и прилагательных, а не о существительных в именительном падеже. Это прилагательные в именительном падеже, согласуемые с существительными в именительном падеже. Таким образом, сама фраза “Adlıq halda işlənən isimlər birinci növ təyini söz birləşməsinin birinci tərəfi kimi işləndiyi zaman təyinlik məzmunu bildirdiyi üçün mübtəda vəzifəsi daşımır”¹ (100, 57) является глубоко ошибочной.

Во-вторых, если речь идет о членах предложения, то эти прилагательные являются определениями, и о них не стоит упоминать в данной связи. Наконец, в третьих, если нас интересует сущность состава подлежащего в предложении, а вовсе не именительный падеж и его функции, то следует отметить, что эти прилагательные (а вовсе не существительные) в именительном падеже, согласуясь с существительным в функции подлежащего, совершенно однозначно относятся к подлежащему. Это подтверждается и семантически, и предметно-логически, и на денотативном уровне. Что значит *kərpic ev*? Это один предмет, один знак, которому соответствует один денотат. На глубинном уровне ему соответствует один предмет. На поверхностном уровне этому единому предмету в данном случае соответствует расчлененный знак. Но этот двучленный знак может быть продолжен до бесконечности. С самим денотатом ничего не произойдет. Например, *işıqlı böyük kərpic ev* и т.д.

Важно также другое. М.Гусейнзаде не отмечает той функции именительного падежа, которую выделяют туркменские ученые. В азербайджанском языке также вполне употребительны предложения типа *Biz Məmmədi sədr seçdik; Müdir onu baş mühəndis təyin etdi* и т.д. В этих предложениях, действительно, наряду с подлежащими *biz* и *müdür*, употребляется еще одна безаффиксная форма: *sədr* и *mühəndis*.

Фактически у М.Гусейнзаде мы не находим указаний на полифункциональность именительного (безаффиксного, исходного) падежа, позволяющего обозначить дополнительную (не связанную с подлежащим) функцию как *naməlum dişüm*.

Как указывает Р.Рустамов, в турецком языке, как и в азербайджанском, существует шесть падежей. Он дает их названия параллельно с названиями падежей в азербайджанском языке: «1. Yalın hal (Adlıq hal) 2. İlişik hal (-ın, -in, -un, -ün, -nin, -nun, -nün) (Yiyəlik hal) 3. Varımlı hal (-a, -e; -ya, -ye) (Yönlük hal) 4. Belli işlənmiş hal (-ı, -i, -u, -ü, -ul, -ül, -yu, -yü) (Təsirlik hal) 5.

¹ Гусейнзаде М. Указ. работа, с. 57..

Durumlu hal (*-da, -de; -ta, -te*) (Yerlik hal) 6 Çıkımlı hal (dan, den, tan, ten) (Çıxışlıq hal)»¹.

Создается впечатление о полной идентичности падежей и падежной семантики в этих языках. Однако несовпадения присутствуют, и о них позднее указывает сам автор. Сами эти несовпадения производят впечатление единой семантической парадигмы, диффузность которой направлена на наиболее полное выражение экстралингвистической семантики. Например, указывается, что в турецком и азербайджанском языках одни и те же глаголы и послелого управляют различными падежами: «Ahmede sormak – Əhməddən soruşmaq; Zile basmaq – Zəngi basmaq; Beş saat kadar – Beş saata qədər; Birisinə danışmaq – Biri ilə məsləhətləşmək»². Р.Рустамов отмечает, что именительный падеж является исходным падежом и обозначает имена существительных. Падежный аффикс отсутствует.

Говоря о функциях именительного падежа в турецком языке, Р.Рустамов указывает, что «Существительные, будучи в именительном падеже, могут быть в предложении подлежащими, сказуемыми, определениями. В предложении существительное, будучи в именительном падеже, является подлежащим. Например: *Annem gelior, Babam evdedir, Ali okuldadır* и т.д. Если существительное в именительном падеже принимает аффикс сказуемости, оно становится сказуемым предложения. Например: *Alacak olan kim? Ali ünlü uzmandır, ben öğrenciyim* и т.д. Существительное в предложении может адъективироваться, в этом случае оно становится определением. Например: *Babama deri mont aldım* и т.д.»³.

Здесь мы видим ту же грамматическую традицию, которая характеризует рассуждения М.Гусейнзаде относительно именительного падежа в азербайджанском языке.

Р.Рустамов говорит о том, что существительное в именительном падеже может принять аффикс сказуемости и стать сказуемым. Но если существительное принимает аффикс сказуемости, то это уже не форма именительного падежа. Понятно, что от исходной формы слова могут образовываться различные формы посредством присоединения различных аффиксов. На то это и исходная форма. Важно понять, что когда мы говорим об именительном падеже, то имеем в виду не просто основу для образования различных форм, а исходную форму в падежной парадигме, выделяемую именно в силу отсутствия морфологического показателя. Поэтому неправомерно говорить об именительном падеже и образовании от него сказуемого. От формы именительного падежа (если речь идет именно о падежах, а не о чем-то другом) могут образоваться только формы косвенных падежей посредством морфологических показателей этих падежей.

¹ Rüstəmov R. Türk dilinin morfolojiyası. Bakı: Nurlan, 2007, c. 35-36.

² Там же, с. 37.

³ Там же, с. 38.

Что касается функции определения, в которой якобы может выступать форма именительного падежа, то, как отмечалось в отношении азербайджанского языка, скорее всего здесь следует говорить об омонимии существительного и прилагательного. Адъективация сама по себе означает переход в другую часть речи. Следовательно, и здесь говорить о функции существительного не приходится. Хотя, конечно, если нас интересует не часть речи, а падежная семантика, то здесь мы имеем дело с именительным падежом прилагательного.

Говоря о семантико-синтаксических значениях именительного падежа, А.Н.Кононов указывает: «Основной падеж является формой: 1) Подлежащего: *tren geldi* ‘поезд пришел’. 2) Именной части сказуемого (основной предикативный): *Orhan talebedir* ‘Орхан – студент’; *talebe idi* ‘он был студентом’; *talebe değil imiş* ‘он, оказывается, не студент’. 3) Определения: *güzel çiçek* ‘красивый цветок’; *bu çiçek güzeldir* ‘этот цветок красив’; *taş köprü* ‘каменный мост’; *kitap dolabı* ‘книжный шкаф’; *bir şişe şarap* ‘одна бутылка вина’. 4) Обстоятельства времени, указывающего на момент совершения действия (когда?) или количество времени (сколько времени?): *bu akşam bize geliniz!* ‘приходите к нам сегодня вечером!’; *beş gün yağmur yağıyor* ‘пять дней идет дождь’. 5) Обстоятельственного дополнения места (при глаголах движения) и времени – при гл. *geçirmek* ‘проводить время’, *yaşamak* ‘жить’ и нек. др. (полный охват пространства и времени). Обстоятельственное дополнение места, времени и т.п. отличается от обстоятельства места, времени и т.п. тем, что это прежде всего дополнение, т.е. объект, на который прямо или косвенно распространяется действие. От косвенного дополнения обстоятельственное дополнение отличается тем, что последнее является объектом при глаголах движения, т.е. при глаголах непереходных; гл. *geçirmek* является понудительно-переходным глаголом от гл. движения *geçmek* ‘проходить’. *Uzun bir yol yürüyorsunuz* (N.Hikmet. Benerci ...) ‘Мы проходим длинный путь’. 6) Прямого дополнения; основной падеж выражает прямое дополнение главным образом в тех случаях, когда синтаксически отношения между прямым дополнением и сказуемым выражаются приемом примыкания; 7) Логического объекта, являющегося грамматическим подлежащим: *mektup tarafımdan yazıldı* ‘письмо написано мною’. 8) Сочетания имен с определенным разрядом поселогов»¹.

Таким образом, А.Н.Кононов определяет восемь функций для именительного падежа в турецком языке. Как мы помним, в «Грамматике туркменского языка» определяются только две функции. М.Гусейнзаде определяет четыре функции для азербайджанского существительного в именительном падеже.

¹ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 83.

Наиболее существенный вопрос заключается в определении содержания различных интерпретаций семантики именительного падежа в рассматриваемых языках. Если исходить из представленных описаний, то окажется, что именительный падеж турецкого языка намного сложнее именительного падежа в азербайджанском и туркменском языках. Однако так ли это. Например, А.Н.Кононов говорит о том, что форма именительного падежа в турецком языке выступает в функции обстоятельства времени. Например: *bu akşam bize geliniz!* ‘приходите к нам сегодня вечером!’ Спрашивается, насколько уникальна данная функция номинатива в турецком языке и позволяет ли она говорить об исключительной особенности, отличающей этот язык от близкородственных туркменского и азербайджанского?

Думается, что нет, поскольку идентичные предложения не только возможны в туркменском и азербайджанском, но и широко употребительны. Это обычные конструкции, частотность которых прямо пропорциональна их обычности и простоте.

Трудно полемизировать с ученым масштаба А.Н.Кононова, тем не менее в представленной им парадигме значений основного падежа в турецком литературном языке также не все воспринимается бесспорно и однозначно. Хотя и в этом случае, видимо, речь должна идти о существующей традиции описания. А.Н.Кононов не ссылается на турецких ученых, но совершенно естественно проводит параллели с русским языком. Это не дает возможности понять, представленная классификация принадлежит лично А.Н.Кононову, или она обычна и в турецком языкознании.

Вообще встречаются совершенно разные интерпретации функций именительного падежа, что не позволяет однозначно констатировать факты комбинаторного варьирования или транспозиции знака, обозначенного С.Карцевским как асимметрия языкового знака. Например, Г.Балыев указывает, что в азербайджанском языке слово в именительном падеже иногда используется в обычной речи в значении местного и винительного падежей: “*Yaz, ya, qış – həmişə işləyir*”. Автор указывает, что мысль, выраженная в этом предложении, совершенно идентична мысли, выраженной в предложении “*Yazda, yayda, qışda – həmişə işləyir*”¹. Как мы помним, эта особенность именительного падежа в азербайджанском языке не отмечается другими учеными. Но интересно, что Г.Балыев приводит пример только на местный падеж, т.е. употребление именительного в функции местного. Что же касается винительного падежа, то пример не дается. В предшествующем издании книги, вышедшем в 1982 году, повторяется данный фрагмент с тем же примером и почти слово в слово, и здесь отсутствует пример на транспозицию формы именительного падежа в направлении винительного.

Совершенно иные функциональные особенности именительного падежа отмечаются в Академической грамматике азербайджанского языка. Здесь

¹ Bahiyev H.B. *Azərbaycan dili*. Bakı: Nərgiz, 2001, c.70.

отсутствует информация, представленная у М.Гусейнзаде и других азербайджанских ученых, но обнаруживаются чрезвычайно ценные рассуждения относительно дифференциации схожих форм. Например, указывается, что «с формальной точки зрения именительный падеж похож на неопределенный винительный падеж»¹. Однако, в отличие от других источников, в Академической грамматике азербайджанского языка отмечаются их «существенные различия»².

Как отмечает М.Кыпчак: «Употребление родительного падежа в языке древнетюркских памятников носило факультативный характер. Опираясь на факты памятников можно прийти к выводу, что понятие определенности выражается не только аффиксом этого падежа, но и другими языковыми средствами. в памятниках, написанных руническим письмом, употребление аффикса этого падежа наблюдается лишь в существительных, обозначающих лиц, и личных местоимениях. В последующих памятниках отчетливо видна интенсивность использования родительного падежа»³.

Это чрезвычайно точное замечание, служащее одновременно подтверждением наших выводов о характере системности в падежной парадигме тюркских языков. Действительно, развитие данной парадигмы идет в направлении специализации как формальной, так и функциональной. В принципе это означает, что между реализацией функции принадлежности аффиксной и безаффиксной формами должна ощущаться разница. М.Кыпчак указывает, что «развитие родительного падежа внутри парадигмы шло по восходящей линии, его роль в системе языка возрастала. Это произошло, в основном, за счет вытеснения именительного падежа»⁴. Данный вывод также вполне соответствует результатам нашего исследования. Единственная разница заключается в том, что М.Кыпчак говорит о вытеснении именительного падежа родительным. На наш взгляд, так называемая безаффиксная форма родительного падежа является реликтовой формой именительного падежа в данной функции. И сам М.Кыпчак говорит о вытеснении именительного падежа родительным падежом в функции семантики принадлежности. Это как раз и означает, что функцию принадлежности родительный падеж разделял с именительным. Более того, раз *вытеснял*, значит, исторически эта функция была основной для именительного падежа.

В сферу грамматических падежей в тюркских языках, как отмечалось выше, входит также винительный падеж. А.Н.Кононов пишет: «Винительный падеж является формой прямого дополнения (при переходных глаголах) и обстоятельного дополнения места (при глаголах движения) и времени (при глаголе *geçirmek* ‘проводить время’) 1) Винительный прямого дополне-

¹ Azərbaycan dilinin qrammatikası. 1 hissə (morfolojiya). Bakı: ASSR EA-nın nəşriyyatı, 1960, s. 19.

² Там же.

³ Кыпчак М. Категория падежа в тюркских языках. Б.: Изд-во БГУ, 1994, с.100.

⁴ Там же.

ния (полный охват объекта) *İki reis bir gemiyi battırır* (Пгвр.) ‘Два капитана потопят корабль’ (= “У семи нянек – дитя без глаза”). 2) Винительный обстоятельственного дополнения места и времени (полный охват пространства и времени): *Otluk bir arsayı geçtiler* (R.Enis. Ekmek kavgamız) ‘Они прошли пустырь, поросший травой’. /.../ *Kapıyı sessizce geçtik ... Merdivenleri çıktık. Bir uzun koridor daha aştık* (R.Enis. Kanun namına) ‘Бесшумно миновали мы дверь. Поднялись по лестнице. Прошли еще один длинный коридор’; в последнем примере обстоятельственное дополнение места стоит в основном падеже, что может быть объяснено только субъективными соображениями автора. *Baharı orada geçiririm* (S.Ali. КММ) ‘Весну я там проведу’¹.

В этом фрагменте обращает на себя внимание употребление прямого дополнения в основном падеже, а также два обстоятельства исследовательской интерпретации, связанных с этим фактом. Во-первых, знаменателен сам факт обозначения данной формы как формы именительного, основного, падежа, а не попытка объяснения, что это такая безаффиксная форма винительного падежа. Во-вторых, интересно, что А.Н.Кононов подобное употребление объясняет «только субъективными соображениями автора». «Субъективные соображения автора» означают, видимо, что А.Н.Кононов не считает такое употребление узуальным. Ученый не объясняет подробно свою позицию, но ничего другого в связи с такой интерпретацией не приходит в голову.

Возможно, такое употребление основного падежа в функции винительного встречается редко, является принадлежностью разговорного языка, но оно характерно для всех трех языков. Как в турецком, так и в азербайджанском и в туркменском языках употребительны подобные формы прямого объекта. Более того, эти формы также могут быть семантически дифференцированы. Самое элементарное, что видится в подобном употреблении, это семантика неопределенности, которая может быть связана с экспрессией, гиперболизацией и т.д. Например, *bir dağ aşdıq* с подчеркнутым усилительным значением «преодоления чего-то грандиозного», что может быть противопоставлено выражению *bir dağı aşdıq*, где речь идет о конкретном природном препятствии.

В Академической «Грамматике азербайджанского языка» также указывается, что винительный падеж – это объект прямого дополнения. «Иными словами, он обозначает предмет, подвергающийся воздействию дела, состояния, действия»². В качестве основной особенности винительного падежа отмечается невозможность употребления слова в этом падеже в функции сказуемого. Основная причина этого заключается в том, что в слово в этом падеже выражает семантику прямого объекта³.

¹ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956, с. 88.

² Azərbaycan dilinin qrammatikası. 1 hissə (morfologiya). Bakı: ASSR EA-nın nəşriyyatı, 1960, с. 25.

³ Там же.

В азербайджанском языке винительный падеж в семантическом отношении делится на две группы: определенный винительный падеж и неопределенный.

Определенный винительный падеж в азербайджанском языке обозначает определенный объект, подвергающийся действию. Например, *kitabı ver, pərdəni aç, televizoru yandır* и т.д. В «Грамматике азербайджанского языка» отмечается, что «Вот почему перед словом в определенном винительном падеже употребляются слова *o, bu* или другие определяющие и конкретизирующие слова. Например, *Dünənkı hadisəni danış; Bu fikri başından çıxart*»¹.

Морфологическим показателем винительного падежа в азербайджанском языке являются аффиксы *ı, i, u, ü*. Если слово оканчивается на гласный, то между основой и аффиксом вставляется формант *n* или *y*: *lumu – lumunu, lumunu doğradı, su – suyu, suyu aç*.

Неопределенный винительный падеж обозначает неопределенный объект, подвергающийся действию. Например, *kitab oxu, su iç, məktub yaz, çay dəmlə*. Существует различие между вопросами определенного и неопределенного винительного падежа. Определенный винительный отвечает на вопросы *kimi, nəyi, haranı?* Неопределенный винительный отвечает на вопрос *nə?*

Неопределенный винительный падеж в азербайджанском языке, согласно «Грамматике азербайджанского языка» имеет следующие значения: «1) Существительное, обозначающее пространство, управляясь глаголом движения, называет место, где исполняется действие. *Bir təmiz ad ilə ellər dolandım. (Aşıq Ələskər); Dolamalı yollar dolanıb, onlar axşama rayon mərkəzinə çatdılar. (S.Rəhimov, Saçlı); Həsən kişi bu sözləri deyib otağı dolandı. (M.İbrahimov, Gələcək gün).* 2) Существительное с темпоральным значением, управляясь различными глаголами, обозначает время исполнения действия. При этом слову в винительном падеже может предшествовать и объяснительное слово. *Cavad tamam qışı xəstə yatıb. (Ə.Haqqverdiyev, Hekayələr); Anası Ay qız indi çox gecdir, bəlkə gecəni qayıtmadı. (M.İbrahimov, Seçilmiş əsərləri); Üç həftə ətraf kəndləri gəzib dolanır, sonra qayıdır. (Ə.Haqqverdiyev, Xortdanın cəhənnəm məktubları); Qərək, gecəni yatdılar. (“Koroğlu” dastanı).* 3) Существительное в неопределенном винительном падеже может выполнять функцию первой составной части сложного сказуемого. *Murtuzov, arvadı Yavəri barmağı ilə eynəyə çağırıb, tapşırıq verdi. (S.Rəhimov, Mehman)*»².

Здесь вызывает недоумение одно обстоятельство. Так, в данном разделе указывается, что «Данный падеж не имеет никаких морфологических показателей»³. То есть неопределенный винительный падеж в азербайджанском языке не имеет каких бы то ни было грамматических признаков. Как мы видим, составители Грамматики отмечают три значения для неопределенного

¹ Грамматика азербайджанского языка, с. 25.

² Там же, с. 27.

³ Там же, с. 26.

винительного падежа в азербайджанском языке. Примеры, приводимые по первому и третьему значениям, соответствуют утверждению об отсутствии грамматических признаков. Иначе обстоит дело со вторым значением. По этому значению приводится три примера. В первом и третьем слово в винительном падеже с темпоральным значением имеет морфологический признак данного падежа: *Cavad tamam qışı xəstə yatıb. Qərz, gecəni yatdılar.*

Совершенно очевидно, что слова *qışı* и *gecəni* имеют грамматические показатели винительного падежа.

М.Гусейнзаде указывает, что «в соответствии с основным требованием винительного падежа эти аффиксы не обязательно должны каждый раз употребляться. Всё зависит от того, определен или неопределен объект, о котором идет речь»¹.

Таким образом, М.Гусейнзаде связывает наличие или отсутствие грамматического показателя с конкретной семантикой объекта в конкретном контексте. При этом, видимо, не столь важными считаются контекстуальные особенности, позволяющие использовать слово как с показателем винительного падежа, так и без него. Например, выше приводился пример из турецкого языка и интерпретация подобного употребления академиком А.Н.Кононовым. Идентичное употребление возможно и в азербайджанском языке, но такого рода употребление не комментируется ни в «Грамматике азербайджанского языка», ни М.Гусейнзаде.

В «Грамматике туркменского языка» указывается: «Винительный падеж оформляется с помощью аффиксов *-ы/-и* (для согласной основы) и *-ны/-ни* (для гласной основы), которые присоединяются к любым производным и непроизводным именам существительным, субстантивным формам частей речи в единственном и множественном числе или именам, оформленным аффиксами любых лиц обоих чисел и отвечает на вопросы *кими?* ‘кого?’, *нэмэни?* ‘чего? что?’, *нирэни* ‘какую местность?’ Функционально, как приглагольный падеж, выражает определенный или неопределенный объект. Например: *Biz işimizi qutardık* (В.Сейтəков, Çölün yüreqi) ‘Мы закончили свою работу’. *Öyün içinde qeyilyen qeyimini qeydi* (там же) ‘Надел домашнюю одежду’².

В первой подглаве второй главы делается вывод о совершенно очевидном присутствии в туркменском, азербайджанском и турецком языках единого диапазона формальных показателей.

Во **второй подглаве** второй главы рассматриваются «Местно-грамматические падежи в туркменском, азербайджанском и турецком языках». Здесь указывается, что к местно-грамматическим падежам в туркменском, азербайджанском и турецком языках относятся дательный, местный и исходный падежи. Объединяет эти падежи пространственно-временная се-

¹ Гусейнзаде М., с. 61.

² Грамматика туркменского языка. Часть 1. Фонетика и морфология. Ашхабад: Ылым, 1970, с.

мантика. В отвлечении от возможных речевых ситуаций эти падежи объединяет универсальная семантика приближения к пространству-времени, отдаления от пространства-времени, а также, естественно, нахождения в пространстве-времени. В XX веке физики стали говорить о единстве таких категорий, как пространство и время, пространство объясняется через время, время – через пространство. Универсальное единство этих категорий представлено в тюркских языках уже на самых древних этапах их развития.

В первой главе, говоря о системности в языке, были затронуты такие вопросы, как историческое развитие микросистемы направительных падежей в древних тюркских языках. Уникальным вообще является семиотическое оформление логико-предметной семантики направления движения в пространстве пяти падежей, каждый из которых имел не только собственные показатели, но и варианты этих показателей. Три аспекта отношения к пространству образуют систему уже на уровне предметно-логическом. Иными словами, на уровне логической схемы приближение к предмету в пространстве, где оно само воспринимается как предмет, ассоциируется с отдалением от пространства. Соответственно приближение и отдаление ассоциируются с нахождением в пространстве. Следовательно, системность представлена уже на уровне ассоциаций, связывающих коллективное мышление этноса с пространством (временем).

В этом смысле когнитивное осмысление и исследование предполагает сам факт наличия в древнетюркских языках пяти направительных падежей. Характерно также, что эти пять направительных падежей коррелируют с одним отложительно-местным.

М.Кыпчак указывает, что «В современных тюркских языках дательный падеж обозначает направление действия или движения, его конечную точку и в основном управляется глаголами. Помимо этого дательный падеж может выражать причину и цель исполнения действия и движения. В парадигматическом плане дательный падеж составляет корреляцию как с грамматическими, так и местно-грамматическими»¹.

Здесь указана важнейшая особенность дательного падежа. Конечно, он входит в парадигму местно-грамматических или просто локальных падежей. Тем не менее, как справедливо отмечает М.Кыпчак, дательный падеж коррелирует и с грамматическими падежами. Естественно, первое, что приходит на ум, это соотносительность дательного падежа с винительным. Так, «дательный падеж, будучи формой косвенного дополнения, другими словами, выразителем косвенного объекта, составляет оппозицию с винительным падежом, выражающим прямое дополнение – прямой объект. С точки зрения способности выражать субъект-подлежащее дательный падеж противостоит имени-

¹ Кыпчак М. Категория падежа в тюркских языках. Б.: Изд-во БГУ, 1994, с. 107.

тельному падежу, с точки зрения же выражения отношений принадлежности-обладания – родительному»¹.

В «Грамматике туркменского языка» указывается следующее: «Дательный падеж оформляется с помощью аффикса *-a/-e*, который присоединяется к любым производным и непроизводным именам существительным, субстантивным формам частей речи в единственном и множественном числе или именам, оформленным аффиксами любых лиц обоих чисел, отвечает на вопросы *kime?* ‘кому’, *nəmə?* ‘чему’ *nirə?* ‘куда’ и в функциональном отношении выражает, главным образом, направление в пространстве или во времени. Этот падеж в зависимости от предиката и отношения других членов предложения может отвечать также на вопросы *nəmə üçin?* ‘почему?’ *haçan?* ‘когда?’ к какому времени?’ *neçə?* ‘по какой цене?’ *kim üçin* ‘для кого?’»².

Функционально-семантическая специфика дательного падежа в туркменском языке связана, как отмечалось выше, с обозначением направления действия в пространстве. Это значение может и должно считаться инвариантным для дательного падежа. Однако в туркменском языке при реализации данного значения налицо его комбинаторное варьирование, что, с одной стороны, свидетельствует о диапазоне семантики падежа, с другой стороны, об адаптации падежной семантики к контексту и конситуации.

В «Грамматике туркменского языка» отмечается четырнадцать частных значений дательного падежа. Так, указывается, что слова «в дательном падеже выражают 1. Направление, последнюю точку действия или движения, сторону, в которую направлено действие или движение /.../ 2. Указывает над чем происходит действие. При этом впереди или после слова в дательном падеже обычно стоит слово в винительном падеже; если оно отсутствует, то логически подразумевается его присутствие. Анализ показывает, что все выделенные значения носят частный характер. Конечно, ничего плохого в их выделении нет, но они в любом случае конкретизируют общую семантику дательного падежа.

В «Грамматике азербайджанского языка» также указывается, что дательный падеж обозначает косвенный объект, т.е. лицо или предмет, на который направлено действие³.

Отмечается, что морфологическим показателем дательного падежа является аффикс *-a* (*-ə*) согласных основ, для гласных *-ua* (*-uə*)⁴.

Выделяется семь значений дательного падежа в азербайджанском языке, однако отмечается, что эти значения являются только вариантами указанного общего значения⁵. Здесь представлены значения времени, цели, причины, количественная характеристика дела, состояния, действия. Употребляясь

¹ Кыпчак М. Указ. работа, с. 108.

² Грамматика туркменского языка, с. 107.

³ Грамматика азербайджанского языка, с. 23.

⁴ Там же, с. 23.

⁵ Там же.

с глаголами *hazırlaşmaq, başlamaq, kirişmək, çalışmaq, məşğul olmaq*, слово в дательном падеже обозначает начало действия. Сравнение выражается при употреблении с глаголами *bənzəmək, oxşatmaq, bənzər, oxşar*. С глаголами *dönmək, çevirmək* слово в дательном падеже обозначает превращение предмета в другой предмет. Употребляясь с глаголами *girmək, daxil olmaq, yazılmaq* соответствующее слово обозначает вхождение лица в какую-либо организацию¹.

Как видим все эти значения не просто носят частный характер, а являются распространителями глагольного значения. Более того, семантика соответствующих слов в дательном падеже как бы присутствует уже в семантике глагола. В лингвистике такое явление называется стяжением.

Академик А.Н.Кононов также отмечает, что дательный падеж является формой косвенного дополнения и отвечает на идентичные вопросы. Здесь также выделяются значения направления, обстоятельства места, цели, времени, цены, эквивалента и обстоятельственного определения. Таким образом значения дательного падежа во всех трех языках совпадают. М.Кыпчак считает, что «дательный падеж на протяжении истории развития тюркских языков вытеснял именительный падеж и за счет этого занял место в парадигме. Это отчетливо можно увидеть при сравнении древнетюркских языков с современными тюркскими языками огузской группы»².

Столь же универсальной семантикой обладают в туркменском, азербайджанском и турецком языках местный и исходный падежи. Эти падежи, как отмечалось выше, составляют единую логико-предметную парадигму с дательным падежом. Соответственно и они, как и дательный, обладают четким пространственным значением и достаточно четко представленной парадигмой морфологических показателей. Так, в туркменском языке местный падеж обладает аффиксами *-da/-dä* как для гласных, так и для согласных основ, «который присоединяется к любым производным и непроизводным именам существительным, субстантивным формам частей речи в единственном и множественном числе и именам, оформленным аффиксами любых лиц обоих чисел, отвечает на вопросы у кого, в чем, на чем, где, когда и выражает, главным образом, пространственно-временные отношения»³.

В «Грамматике азербайджанского языка» указывается, что местный падеж обозначает место действия, состояния, предмета⁴. Аффиксом падежа является *-da/-dä*⁵.

В турецком языке, как отмечает А.Н.Кононов, местный падеж употребляется в значениях косвенного дополнения, обстоятельственного дополнения места, времени, образа, способа, орудия действия, обстоятельственного

¹ Грамматика азербайджанского языка, с. 24.

² Кыпчак М. Указ. работа, с. 120.

³ Грамматика туркменского языка, с. 113.

⁴ Грамматика азербайджанского языка, с. 27.

⁵ Там же.

определения¹. Морфологическим показателем местного падежа в турецком языке являются те же *-da/-də* и глухие варианты *-ta/tə*. Как видим, значения те же, что и в туркменском и азербайджанском языках.

Что касается исходного падежа, то он также полностью совпадает в семантико-функциональном и грамматическом отношении в рассматриваемых языках. Во всех источниках указывается, что основная семантическая функция исходного падежа заключается в выражении исходной точки действия, состояния, деятельности и предмета. Это общее типовое значение исходного падежа, которое может распадаться на множество конкретных контекстуальных значений, поддающихся более или менее однозначной типизации. Поэтому и указываются конкретные глаголы, по значению которых определяется типовая семантика исходного падежа.

Аффиксами исходного падежа в азербайджанском языке являются *-dan/-dən*, в турецком *-dan/-den*, *-tan/-ten*, в туркменском *-dan/-den*.

М.Кыпчак указывает, что «Исходный падеж в современных тюркских языках является одним из падежей, обладающих широким кругом употребления и разнообразными смысловыми оттенками. Так, исходный падеж обозначает исходную точку и причину действия, состояния и движения, служит созданию сравнительного содержания»².

В азербайджанском и турецком функция падежей может не совпадать. Точнее функция падежей совпадает, но устойчивые конфигурации с этими падежами могут не совпадать. Так, семема «спросить» в азербайджанском языке требует исходного падежа, в турецком – дательного. Однако это частные случаи, не ставящие под сомнение типовое значение падежей.

Местно-грамматические или пространственные падежи в туркменском, азербайджанском и турецком языках обнаруживают большее сходство, чем грамматические.

В Заключении даются обобщения и краткие выводы. Отмечается, что парадигма склонения в языках мира представляет собой классический случай системности в языке. Это означает, что она манифестирует все основные свойства системности, характерные для системы языка в целом. Важно то, что склонение с самого начала оформляется как система. Иными словами, оформление любого падежного показателя фактически представляет собой формирование оппозиции с маркированным членом, следовательно, представляет собой формирование системы. Уникальность падежной парадигмы как системы состоит в том, что каждый падеж формируется как некоторая оппозиция по отношению к основному падежу, который собственно падежом также является только и исключительно за счет релевантности оппозиций. Стратегия развития падежных показателей и падежной семантики, таким образом, есть стратегия развития знаковой системы в целом. Следовательно,

¹ Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка, с. 88.

² Кыпчак М. Указ. работа, с. 130.

система склонения по своему содержанию имеет более широкую, нежели лингвистическая, значимость, а именно непосредственно семиотическую значимость. Семиотическая значимость проявляется, в частности, в последовательном расширении и сужении данной парадигмы. Асимметрия языкового кода предполагает транспозицию знака, следовательно, в соответствии с логикой языковой эволюции один знак (так называемый безаффиксный падеж) должен выступать в функции всех возможных членов предложения. Однако системность языка проявляется в формировании маркированных коррелятов. Семиотическая же релевантность данной системы четко проявляется в расширении парадигмы и последующем сужении. Иными словами, на древних этапах развития языка синтаксические функции детализируются, соответственно падежей много. С развитием данной системы она утрясается, т.е. некоторые частные случаи утрачиваются. Система становится более компактной.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

1. Парадигма склонения существительных в азербайджанском языке. Непроизвольность падежных названий // AMEA Nəsimi ad. Dilçilik İnstitutu. Tədqiqələr. Bakı, 2009, № 4, s. 112-118

2. Роль Президента Туркменистана в изучении истории туркменского народа / Мухаммед Гаймаз Туркмен – знаменитый ученый Востока: Материалы международной научной конференции 25-27 февраля 2009 г. Ашгабат, 2009, с. 290-291

3. Creative Work of Hoja Ahmet Yasawi and Turkic-Speaking Literature of Seljukid Epoch/ Türkmenistanyn Ylymlar Akademiyasy. Ходжа Ахмет Ясави и суфийская литература Востока: Материалы Международной научной конференции (22-23 сентября 2010 года). Ашгабат: Илим, 2010, s. 187-188

4. Падежная семантика в туркменском языке как целостная парадигма // Halkara Türkmen-Türk Uniwersiteti. Türkmen ylmy galkynyş we halkara gatnaşyklar yolunda (ylmy makalalar yygyndysy - 5). Aşgabat: Ylym, 2010, s. 498-504

5. Функциональная семантика особенностей дательного падежа в туркменском, азербайджанском и турецком языках // BDU, «Dil və ədəbiyyat» jurnalı, 2011, № 1, s. 123-125

6. Семантика определенности/ неопределенности прямого объекта в туркменском, азербайджанском и турецком языках // ADU-nun «Elmi xəbərləri», 2011, № 3, s. 96-101

7. Тюркское склонение как система // BDU, «Dil və ədəbiyyat» jurnalı, 2011, № 2, s. 128-132

8. Грамматические падежи в туркменском, азербайджанском и турецком языках // BSU-nun «Elmi əsərləri», 2011, № 1, s. 164-168

9. Именительный падеж в азербайджанском языке // Humanitar elmlərin öyrənilməsinin aktual problemləri, Bakı, 2011, № 3, s. 95-100

TÜRKMƏN, AZƏRBAYCAN VƏ TÜRK DİLLƏRİNDƏ HAL KATEQORİYASI

XÜLASƏ

Dissertasiya türkmən, Azərbaycan və türk dillərində hal kateqoriyasının müqayisəli təhlilinə həsr edilmişdir.

Dissertasiya giriş, iki fəsil, nəticə və istifadə edilmiş ədəbiyyat siyahısından ibarətdir.

Dissertasiyanın giriş hissəsində tədqiqat mövzusunun aktuallığı, tədqiqatın obyektini və mövzusu, əsas məqsəd və vəzifələri, elmi yeniliyi, nəzəri və praktiki əhəmiyyəti, tədqiqat metodları və müdafiyyə çıxarılan müddəalardan danışılır.

Birinci fəsil – «Türk dillərində hallanma sistemi» üç bölmədən ibarət olub «Dil kodunun məhdudlaşdırıcı təsiri vasitəsilə mənanın təşkilinin sistemliliyi»nə, «Türk hallanma sistemi»nə, həmçinin «Müasir müqayisəli tədqiqat prinsipləri»nə həsr edilmişdir. Bu fəsildə əsas diqqət ümumiyyətlə və xüsusilə türk dillərində hal paradigmatları sisteminin formalaşması ilə birbaşa bağlı olan ümumnəzəri məsələlərə diqqət yetirilir.

İkinci fəsil iki bölmədən ibarətdir: «Türkmən, Azərbaycan və türk dillərində qrammatik hallar» və «Türkmən, Azərbaycan və türk dillərində yerlik-qrammatik hallar». Burada üç oğuz dilinin hallanma sistemləri müqayisəli təhlil edilir. Qeyd olunur ki, türkmən, türk və azərbaycan dillərində hal formalarının funksional-semantik xarakteristikalarına baxmayaraq, fərqlər çox vaxt tədqiqatçı interpretasiyası ilə bağlı olur.

Nəticədə qısa ümumiləşdirmələr və xülasələr verilir.

**THE CATEGORY OF CASE IN TURKMEN, AZERBAIJANI
AND TURKISH LANGUAGES**

SUMMARY

The thesis deals with the comparative analysis of the case category in Turkmen, Azerbaijani and Turkish languages.

It consists of an introduction, 2 chapters, conclusion and list of the used literature.

The introduction deals with the urgency of the research topic, its object and subject, its main purpose and tasks, scientific novelty, theoretical and practical importance, methods of the research and propositions presented for the defense

The first chapter is called “The system of declension in Turkic languages” consists of 3 sections which deal with “Systemacy of meaning organization by means of restrictive influence of language code”, “System of Turkic declension” and “Principles of modern comparative research”. The main consideration in this chapter is given to theoretical issues relating to forming the system of case paradigms in general and in Turkic languages particularly.

The second chapter consists of 2 sections: “Grammatical cases in Turkmen, Azerbaijani and Turkish languages” and “Local-grammatical cases in Turkmen, Azerbaijani and Turkish languages”. Here the systems of declension of 3 oguz languages are subjected to comparative analyses. It is pointed that with identity of functional-semantic characteristics of case forms in Turkmen, Azerbaijani and Turkish languages differences often linked with research interpretation.

The conclusion sums main propositions of the thesis.

Əlyazma hüququnda

BİBİSARA RƏCƏPOVNA MƏMMƏDOVA

TÜRKMƏN, AZƏRBAYCAN VƏ TÜRK DİLLƏRİNDƏ
HAL KATEQORİYASI

İxtisas: 10.02.06 – Türk dilləri

Filologiya üzrə fəlsəfə doktoru elmi dərəcəsi
almaq üçün təqdim edilən dissertasiyanın

A V T O R E F E R A T I

BAKİ - 2011